

Пока я отчаянно хватался за один из рогов гребня (мой взгляд ненадолго остановился на роге на голове внизу, еще раз подтверждая, что дракон мертв), грохот становился все громче.

-РРОООООАААРРРРРРРРРР...

И снова рев дракона эхом разнесся по комнате, хотя, в отличие от тех случаев, когда он был во время погони, он не был приглушен. Тарелки, столовые приборы и кубки на столе, за которым я сидел, заметно дрогнули от силы и громкости драконьего рева, и я готов поклясться, что видел, как несколько мандалорцев сжались или подняли руки к голове. Однако ни один из них не оторвал глаз от записи. Каждый из них, вероятно, чувствовал, что конец близок.

И они оказались правы: когда рев закончился и дракон повалился вперед, запись с моим изображением развернулась и вогнала нож в глаз дракона.

По этому поводу раздался короткий приглушенный возглас, но он утих, как только дракон отшатнулся и зарычал от боли. Но как только я отпрянул назад и снова вогнал руку, на этот раз по самую рукоять, ликование возобновилось, причем еще громче, чем прежде.

Ликование зала стихло, когда меня отбросило от дракона, а он откинул голову назад и взревел от боли. Наблюдать за тем, как я отскакиваю от барханов, было тяжело, так как это вызывало фантомные всплески боли в местах ударов о песок.

Последний рев дракона, казалось, заморозил весь зал: я едва мог понять, дышит ли кто-нибудь, не говоря уже о том, чтобы двигаться. Все с трепетом наблюдали, не наступит ли момент, когда чудовище падет.

Когда последний, полный боли рев дракона затих, и он упал на песок, в зале воцарилась тишина, а в тот момент, когда я встал на ноги, раздался ритмичный стук. По всему залу, сначала медленно, а затем все громче, по мере того как к ним присоединялись другие, мандалорцы разных цветов, полов и видов начали хлопать кулаками и топтать сапогами в такт, который, как я инстинктивно понял, был похож на боевой клич.

Когда я перевел взгляд с записи на дракона в небо, а затем зарычал (я все еще не был уверен, что это было больше - облегчение, неверие или вызов всей галактике), зал зарычал вместе со мной.

"Taung sa rang broka Mando'ade ka'rta. Dha Werda Verda a'den tratu, Manda'yaim kandosii adu. Duum motir ca'tra nau tracinya. Gra'tua cuun hett su dralshy'a".

Тарелки, столовые приборы и кубки начали подпрыгивать от шума, производимого воинами в зале, и я увидел, что несколько пустых стульев тоже подпрыгивают.

"Ком'рк цад дротен троч нин урес аденн. Dha Werda Verda a'den tratu, Manda'yaim kandosii adu.

Duum motir ca'tra nau tracinya. Gra'tua cuun hett su dralshy'a".

Больше минуты зал наполнялся пенопением - собравшиеся воины пели от всей души. Мой взгляд снова нашел оставшийся глаз дракона, позволяя энергии зала омыть меня и вытеснить последние остатки страха, который я испытывал во время погони. Переживать это было страшнее, чем саму схватку, но теперь, когда все закончилось и я встретился с этим скрытым страхом, мне стало легче. В прежней жизни я никогда не любил охоту - вероятно, потому, что моя работа была связана с убийством людей, - но здесь и сейчас я понимал, почему люди охотятся, по крайней мере те, кто охотится на то, что имеет все шансы (или, в моем случае, безумные шансы) убить тебя вместо этого.

Чувство гордости, которое я испытывал, сражаясь со зверем, который мог и должен был убить меня, и не только выжил, но и победил... Словами не передать, насколько это потрясающее ощущение.

Скандирование начало стихать, когда слева от меня раздался громкий удар, и я вернул свое внимание в зал и повернулся, чтобы увидеть, что Адонай стоит. На его лице сияла улыбка, но он сосредоточился на том, чтобы (довольно безуспешно) привлечь внимание всех присутствующих и заставить их замолчать.

Прошло несколько минут с того момента, как Адонай стукнул кубком по столу, прежде чем скандирование и общая громкость в зале снизились до уровня, позволяющего герцогу говорить спокойно.

"Граф Аундарс, надеюсь, это развеяло ваши опасения по поводу убийства?" спросил Адонай, вызвав смешки у многих в зале, включая самого Аундарса, и я увидел широкую улыбку на его лице, когда он встал.

"Да, герцог Адонай". Он сделал паузу и посмотрел прямо на меня. "От своего имени и от имени моего клана я прошу прощения за то, что сомневался в вашем убийстве, и приношу свои поздравления". Он поднял свой кубок. "Камерон Шан!"

Как один, весь зал поднялся, держа в руках кубки, бокалы и кружки.

"КАМ-РОН! КАМ-РОН! КАМ-РОН! КАМ-РОН!"

Я не смог сдержать широкую улыбку, хотя, признаться, и не слишком старался. Быть принятым воинами, стать одним из них... Мои мысли вернулись к моей прежней жизни, к моей прежней команде, и впервые после перерождения я наконец почувствовал, что нахожусь там, где мне место.

Скандирование, казалось, на мгновение стихло, и на смену ему пришел более общий рев. Я нахмурился в замешательстве, пока Адонай не коснулся моего плеча, и я повернулся. Он указал мне за спину, и я повернулся, чтобы увидеть, что там находится.

Позади меня были развернуты два знамени. На правом было то же изображение Звездной кузницы, которое я использовал во время пробного боя, однако мое внимание привлекло левое. На нем был изображен череп черного дракона, в частности дракона, которого я убил на Татуине. Глаз, который я проткнул, был окрашен в фиолетовый цвет, над ним был красный удАР - знак того, как я убил зверя, подобно тому как клинок в голове дракона-искры на сгигле Серры означал, где она убила этого дракона, - а зубы были темно-малиновыми.

Благодаря времени, проведенному на Мандалоре, я понял, что означают все эти цвета. Черный цвет означал справедливость и чувство личной чести, красный - честь родителя, фиолетовый - удачу, которая, даже если Силы и не существовало, была на моей стороне, чтобы сразить дракона, а малиновый - неповиновение. В общем, все цвета имели смысл, и я широко ухмыльнулся, глядя на знамя.

<http://tl.rulate.ru/book/115774/4531984>